Дневник Собирателя душ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Виталий Алферов
Дневник собирателя душ

https://litres.ru/74940418
SelfPub; 2026

Аннотация

Он хотел жить. После смертельного диагноза и отчаянных молитв ему дают второй шанс. Теперь он должен исполнять чужие желания и брать плату душами.

Новая работа требует терпения, наблюдательности и умения убеждать. У каждого человека найдётся нужда, которую можно превратить в сделку. Наставники объясняют, что так устроено спасение, и постепенно герой начинает им верить. Чужое отчаяние становится привычным, договоры — повседневностью.

Но что делать, если ради благого дела приходится оправдывать жестокость? И сколько чужих судеб можно сломать, прежде чем перестанешь считать себя жертвой?

Мрачная история о том, как легко творить зло, когда тебя убедили, что ты делаешь добро.

Содержание

Часть 1 6
Предисловие 6
Глава 1. «Пробуждение» 12
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Виталий Алферов
Дневник собирателя душ

18+. Запрещено для детей.

Содержит нецензурную брань.

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи и события основного сюжета вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, местами и событиями случайны.

Данное художественное произведение не несет в себе цели оскорбить чьи-либо религиозные чувства.

Слова, взгляды и поступки персонажей не обязательно отражают позицию автора. Их трактовки религиозных учений, документов и исторических событий могут быть ошибочными.

Произведение содержит сцены физического и психологического насилия, жестокости, описания болезней и смерти, религиозных манипуляций, а также эпизоды употребления алкоголя и курения. В тексте упоминаются психотропные вещества.

Описанные действия не предлагаются читателю как образец поведения или руководство к действию. Автор не одобряет насилие, эксплуатацию людей и противоправные действия.

Курение и употребление алкоголя вредят здоровью.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Если Вы считаете свою религиозную веру единственной верной и иной взгляд на вещи для Вас неприемлем, пожалуйста, не читайте данное художественное произведение.

Часть 1

Предисловие

Докуривая сигарету на скамейке в парке у церкви, я точно знал: она будет последней в этой жизни. Не потому, что я вдруг решил бросить. Пачка в кармане была заполнена почти наполовину, зажигалка еще щелкала с первого раза, да и желания расставаться с привычкой у меня не было.

Тогда, на лавочке, я вспоминал, как всё началось. За год до моей смерти врач смотрел не на меня, а на бумаги. Это, наверное, профессиональное: если долго сообщать людям плохие новости, начинаешь разговаривать с анализами, снимками и выписками, только не с человеком, который сидит перед тобой и пытается понять, сколько ему осталось.

— Мы включим вас в очередь на донорские легкие, — сказал он.

Я кивнул. В такие моменты вообще часто киваешь, даже если не понял ни слова. Киваешь врачу, киваешь смерти, киваешь собственному страху.

— А пока? — спросил я.

Врач наконец поднял глаза.

— Молитесь.

Он сказал это спокойно, почти буднично. Молитесь. Не

лечитесь, не боритесь, не держитесь, не надейтесь на чудо медицины. Молитесь. До очереди на новые легкие еще надо было дожить, а чтобы эти легкие достались мне, должен был умереть другой человек. И не один, если считать тех, кто стоял в списке передо мной.

Об этом врач не сказал. Светила науки вообще не любят произносить вслух то, что портит стерильность кабинета. Там всё звучит прилично: донорский орган, лист ожидания, трансплантация, шанс. А по сути кто-то должен был умереть, чтобы у меня снова появилась возможность вдохнуть полной грудью.

Я пытался не думать об этом. У меня плохо получалось.

Работать с постоянным кашлем я тоже не смог. Несколько раз в час меня выворачивало так, будто легкие пытались выбраться наружу первыми и не ждать общей очереди. Я хватался за край стола, за спинку стула, за стену в коридоре. Когда кашель отпускал, я открывал глаза, вытирал рот салфеткой и видел косые взгляды коллег.

Никто не говорил ничего плохого. В этом и была вся прелесть. Люди умеют смотреть так, что без слов понятно: ты уже не сотрудник, не человек, не сосед по офису, а проблема с медицинской справкой. План падал, начальство злилось, я мялся в ответ. В конце концов я ушел на больничный, который сам про себя называл вечным. Иначе меня бы уволили за невыполнение плана. Смешно, если подумать: даже умирая, я всё еще не хотел портить статистику.

Дома легче не стало. Четыре стены квартиры быстро перестали быть жильем и превратились в добровольную камеру. Я просыпался, кашлял, пил воду, лежал, снова кашлял. Иногда смотрел на банковские уведомления и думал, что теперь моя жизнь по-настоящему интересна только банку, которому я платил ипотеку без страховки здоровья.

Мать умерла за несколько лет до моего диагноза — возраст и болезни взяли свое. Отец исчез почти сразу после моего рождения, так что его отсутствие было не трагедией, а привычным фактом. Близких рядом не осталось.

Друзья сначала звонили, потом писали, потом, видимо, не знали, что писать. Я их не обвиняю. Смерть неловкая штука. Особенно чужая, особенно когда она тянется месяцами и каждый разговор превращает тебя в человека, которому надо подобрать правильные слова.

Слов у меня самого становилось всё меньше. Зато одна фраза, наоборот, росла внутри, как плесень в сыром углу:

молитесь.

Сначала я злился. Потом смеялся. Потом перестал. В отчаянии человек хватается не за то, во что верит, а за то, что еще не успел отнять страх. Вот с этими мыслями я однажды оделся, сунул в карман сигареты и вышел к ближайшей церкви, о которой знал.

Храм стоял за парком. До него оставалось пройти совсем немного, но жара придавила меня уже на аллее. Я сел на первую свободную лавочку, чтобы отдышаться, и закурил.

Странное дело: идти в храм я собрался с решимостью человека, которому больше некуда деваться, а сел под деревьями — и решимость начала таять. Ветер шевелил листья, под ногами у прохожих шуршала пыль. Люди входили в церковные двери и выходили обратно уже другими лицами: кто спокойнее, кто злее, кто просто торопился домой с пакетом свечей и бутылкой воды.

Мне вдруг показалось, что можно никуда не идти. Что достаточно посидеть здесь, под деревьями, среди чужих шагов и колокольного звона, и Бог, если Он есть, сам поймет, зачем я пришел. Глупая мысль, конечно. Но тогда она казалась почти утешением.

Набожным человеком я никогда не был. Трудно благодарить Бога за отца, который бросил мать с младенцем на руках. Трудно благодарить за мать, которую забрали возраст и болезни. Трудно благодарить за собственные легкие, превратившиеся в гниющую тряпку внутри грудной клетки.

Но в тот вечер мне было хорошо. Не радостно, не легко, нет. Просто на несколько минут стало тише. Внутри и снаружи. Я смотрел, как качаются ветки, как люди входят в храм, и медленно проваливался в какое-то мутное, жаркое забытье.

— Сын мой, что с вами?

Я вздрогнул. Передо мной стоял священник.

— Ничего, — выпалил я и тут же зашелся кашлем.

Когда мне удалось отдышаться, он уже сидел рядом и ждал.

Я рассказал ему всё. Про диагноз, про очередь, про легкие, про работу, про банк, про квартиру, про врача с его советом молиться. Рассказывал сбивчиво, хрипло, иногда останавливался, чтобы отдышаться. Он слушал так, будто на свете в этот момент не было ничего важнее моей жалкой истории.

— Вот я и сижу теперь тут, — закончил я. — Сам не знаю зачем.

Священник долго молчал.

— Господь слышит всякую молитву, — сказал он наконец. — Даже ту, которую человек еще не умеет произнести.

Я усмехнулся, но вышло больше похоже на сип.

— А если я не верю как надо?

— Никто не приходит сразу «как надо». Начните как можете.

Он протянул мне Библию.

— Возьмите. Читайте дома, не торопитесь. Потом придете в храм, если захотите.

Он поднялся, перекрестил меня и пошел к церковным дверям. А я остался на лавочке с Библией в руках, с потухшей сигаретой у ног и с таким чувством, будто мне дали не ответ, а отсрочку.

Два месяца я читал и перечитывал эту книгу, ходил на богослужения, ставил свечи великомученику Пантелеимону, святым Космe и Дамиану. Молился о смирении души и о новых легких.

Со временем слова о смирении остались только словами. Внутри был страх, боль и одна просьба, которую я повторял снова и снова: Господи, дай мне жить.

В какой-то момент я перестал думать о том, откуда должны прийти новые легкие. Хотел проснуться и не кашлять кровью. Хотел пройти по улице быстрее старухи с сумкой. Хотел лечь спать без страха, что ночью захлебнусь собственной мокротой. Хотел, чтобы Бог, медицина, случай или смерть другого человека — кто угодно — наконец оставили меня живым.

А еще я боялся ада. Не высокого богословского ада, о котором спорят умные люди, а своего, простого, почти детского: огонь, крики, плоть, которую рвут снова и снова, черви в земле, кровь, стекающая ручьями. Я боялся этого так сильно, что готов был поверить во что угодно, лишь бы меня туда не отправили.

Позже оказалось, что даже ада я боялся неправильно.

Время шло, а мне становилось хуже. Донорских легких я не дождался. Смерть нашла меня в больнице, на промятом матрасе. Рядом не было ни родных, ни друзей, ни священника с тихим голосом. Только капельница, тумбочка и один таракан, сидевший на самом краю, будто он пришел посмотреть, как человек заканчивается.

Я помню его лучше, чем последнюю молитву.

Глава 1. «Пробуждение»

Говорят, что Рай для каждого свой. Может быть. Я там не был.

Зато про Ад могу сказать точно: он тоже умеет быть персональным.

Из всех кругов, описанных Данте в «Божественной комедии», мне прежде всего вспоминался первый. Люди там находились рядом друг с другом и мучились не от физической боли, а от нравственных страданий. Их состояние напоминало депрессию. Это был Ад для людей, которые не знали Бога.

Может, для Данте так и начинался Ад. Мой оказался иным. Его первым и самым страшным наказанием стало полное одиночество. Оно приняло форму комнаты без света.

Только понял я это не сразу. Сначала была просто темнота. Такая плотная, что я не мог понять, открыты у меня глаза или нет. Может, вокруг действительно не было света. А может, я ослеп.

Я лежал на чем-то твердом и боялся пошевелиться. Не знал, есть ли рядом пол или через полметра начинается провал. Не знал, есть ли стены, потолок, край, дверь, яма. Мне было страшно вставать, и я пополз на четвереньках.

Двигался медленно: вытягивал руку вперед, убеждался, что там есть опора, переносил вес и только после этого полз дальше. Потом ладонь уперлась в стену. Потом в другую... И

в третью... Так темнота стала местом. Не подвалом, не камерой с решеткой, не раскаленной ямой. Просто пустой комнатой без окон, дверей и света.

Позже я стал считать шаги. Два крупных шага в одну сторону, три в другую. Четыре стены, пол и потолок, до которого я не мог достать. Хотя насчет потолка я так и не был уверен. Стены были твердые, странные на ощупь. Понять, из чего они сделаны, я не мог.

В комнате не было ничего. Ни щели под дверью, ни сквозняка, ни запаха, ни эха. Я кричал, пока не сорвал голос, но ответа не было. Бил кулаками по стенам, пока не начали саднить костяшки, а потом бил еще. Когда понял, что стены даже не дрогнули, сел в угол и долго слушал собственное дыхание.

Дышать было больно.

Рак никуда не делся. Он ушел со мной туда, как единственная вещь, которую разрешили взять после смерти. Легкие жгло, кашель поднимался приступами, и каждый раз я сгибался пополам, хватал ртом пустой воздух и ждал, когда тело снова вспомнит, как это делается. Иногда мне казалось, что я вот-вот задохнусь окончательно. Но приступ всякий раз отпускал, и я понимал, что окончательно уже не получится. Смерть, судя по всему, со мной уже разобралась.

Позже пришли голод и жажда. Не сразу, нет. Сначала был страх. За ним — злость и попытки думать. В конце концов тело забрало все мысли себе. Горло высохло так, что глотать

стало больно. Живот тянуло, крутило, будто внутри кто-то медленно сжимал мокрую тряпку. Голова болела от темноты, голода и короткой рваной дремы, после которой не становилось легче.

Спать оказалось единственным занятием. Я отключался ненадолго, просыпался от кашля или боли и снова понимал, что ничего не изменилось. Та же стена под плечом. Тот же пол. Та же темнота. Та же яма внутри, куда одна за другой падали мысли.

Первые дни без работы, когда я сидел в своей квартире и медленно сходил с ума от четырех стен, теперь вспоминались почти с нежностью. Там были обои, чайник, окно, телефон, банковские уведомления, грязная кружка у кровати. Там можно было включить телевизор и сделать вид, что мир всё еще существует. Здесь не было даже этого. Здесь я остался только с собой, а, как выяснилось, это не такая уж приятная компания на вечность.

Я пытался молиться.

Сначала словами, которые помнил из последних месяцев. Потом как получалось. Потом уже без слов. Просто просил. О воде, о воздухе, о смерти, о конце. О чем угодно, лишь бы эта комната перестала быть всем, что существует.

Ответа не было.

Время там не шло. Его нечем было мерить. Не было утра, ночи, шагов за стеной, капель из крана, чужих голосов, света из окна. Я мог проспать минуту или сутки. Мог сидеть в уг-

лу час или неделю. В какой-то момент голова перестала искать порядок. Мысли ходили кругами: врач, церковь, больница, кровь, легкие, молитва, комната. Потом снова: врач, церковь, больница, кровь, легкие, молитва, комната.

Я не знаю, сколько пробыл там. Знаю только, что однажды, когда я сидел в углу и смотрел в темноту туда, где давно уже ничего не могло быть, напротив появился свет.

Сначала это было просто серое пятно — не яркое, не небесное, почти грязное на фоне темноты. Оно медленно расширялось, но после полной черноты и этого хватило: глаза защипало, будто под веки насыпали песка.

Я зажмурился. Когда снова открыл глаза, в дальнем углу комнаты стоял человек в белом балахоне.

Он не вошел. Войти было неоткуда. Он просто был там.

Я смотрел на него и не сразу понял, что вижу именно человека. После полной темноты разум цеплялся не за смысл, а за форму: белое, вертикальное, неподвижное. Лишь спустя несколько секунд я различил человека в балахоне. Лица рассмотреть не смог.

— Благодати тебе и мира, — произнес он.

Голос был слишком громким для этой комнаты. Не криком, нет. Он звучал так, будто стены сами повторяли его изнутри.

— И благодати, и мира дому твоему, в котором ты ныне пребываешь.

Я попытался ответить, но из горла вышел только хрип.

— Внемли мне, — продолжил он. — И я поведаю тебе о судьбе твоей, о жизни прошедшей твоей и о пути, что отныне предлежит тебе.

Свет начал расползаться по комнате. Серое пятно стало шире, стены проступили вокруг меня, и глаза, отвыкшие от любого света, налились резкой болью. Я закрыл их рукой. Когда боль чуть отступила и я снова посмотрел перед собой, комнаты уже не было.

Я сидел на земле у края леса. Передо мной темнели кресты, ограды и могильные плиты. В лицо ударил холодный утренний воздух. После комнаты даже он показался даром.

Я вдохнул и тут же испугался.

Мир был настоящим. Слишком настоящим. Шум листьев, холод под ладонями, неровная земля, боль в груди. Всё вернулось сразу, и вместе с этим вернулся страх: если это не комната, то где я? Если я жив, то как? А если мертв, то почему всё так похоже на обычное кладбище?

Голос прозвучал снова, и я поднял голову.

Человек в белом балахоне стоял передо мной. Здесь, среди крестов и мокрой земли, он казался еще менее настоящим, чем в комнате.

— Два месяца ты молил Господа о спасении, — сказал он. — О спасении души твоей и тела земного твоего. Просил даровать тебе шанс на искупление грехов и возвращение к жизни.

Я хотел сказать, что просил не так красиво. Что я просил

легкие. Просил не захлебнуться ночью. Просил, чтобы боль отступила хотя бы на час. Но язык не слушался.

— Взгляни, сын мой. Перед тобой дар и путь твой. Спасение твое, новый мир твой и успокоение твое.

Я смотрел на него снизу вверх и понимал только одно: если он может вернуть меня в комнату, спорить с ним нельзя.

— Отныне путь твой — служба небесам, — произнес он. — Внимай условиям службы сей и помни: дар этот не по праву твоему, но по милости. Двенадцать месяцев земных будешь ходить по тверди земной во служении. За это душа твоя очистится от грехов земных. Дело же твое будет простым: нести людям желания их и брать плату с них. Платой будут души их.

Слова дошли не сразу. Или я сам не хотел, чтобы они дошли. Души их. Голос по-прежнему звучал торжественно, почти как строки из Библии. И тем страшнее было слышать, как чужая вечность превращается в одно из условий моей службы.

— Ты принимаешь сей дар, раб земной?

Я сидел на земле, грязный, голодный, с пересохшим горлом, и всё еще чувствовал за спиной ту комнату. Не физически, конечно. Но она была рядом. Стоило моргнуть чуть дольше обычного, и темнота возвращалась.

— Кто ты? — выдавил я.

— Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. Жаждущему дам даром от источника воды живой. Побеждающий насле-

дует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном.

Я слышал эти слова раньше. Или похожие на них. В церкви, в книге, в чужих устах, которые обещали спасенье там, где у меня оставался только страх. Но сейчас эти слова не утешали. Они давили.

— Прими дар мой, — сказал он. — И дар сей будет тебе спасением от вечности в комнате пустой, где ты уже вкусил начало пути своего.

Вот тогда я понял, что никакого выбора мне не оставили. Уже потом, возвращаясь к этому разговору, я видел простую и мерзкую уловку: чтобы человек принял возвращение к прежнему состоянию за спасение, его сначала нужно довести до предела. Но в тот момент я не думал ни о своей душе, ни о чужих. Я думал о воде, воздухе, земле под руками и о том, что не хочу обратно.

— Да, — сказал я. Голос сорвался, и я повторил громче: — Да... Да... Да... Я согласен.

Человек в белом балахоне чуть склонил голову.

— Рад принять согласие твое. Отныне ты — сборщик душ земных. Повиновение твое да будет принято тобою как дар. Спасение ждет тебя в служении твоем.

Он поднял руку, будто благословляя меня. Я хотел отпрянуть, но тело не слушалось.

— Сей час для нас с тобой последний. Слуга мой наставником твоим будет. Прими его, как принял меня, и помни: слуга мой под защитой моей. Не разрушай договоренности

нашей, ибо ослушание твое станет разрывом ее. А разрыв договоренности вернет тебя к началу пути твоего.

Он замолчал, но последнее слово будто еще не прозвучало. Я уже знал, каким оно будет.

— В комнату пустую. Во веки вечные твои.

Свет померк. Земля ушла из-под ладоней, кресты и деревья смешались в серое пятно, и меня снова потянуло куда-то вниз.

На этот раз я даже не пытался сопротивляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.